

ПОЭМЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Ольга Берггольц

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

1

Был день как день.

Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала, что вчера
единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова?

Я тоже — ленинградская вдова.

Мы съели хлеб,

что был отложен на день,

в один платок закутались вдвоем,
и тихо-тихо стало в Ленинграде,
Один, стуча, трудился метроном...

И стыли ноги, и томила свечка.

Вокруг ее слепого огонька
образовалось лунное колечко,
похожее на радугу слегка.

Когда немного посветлело небо,
мы вместе вышли за водой и хлебом
и услыхали дальней канонады
рыдающий, тяжелый, мерный гул:
то Армия рвала кольцо блокады,
вела огонь по нашему врагу.

2

А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина...
Не отыскать в снегах трамвайных линий,
одних полозьев жалоба слышна.

Скрипят, скрипят по Невскому полозья.
На детских санках, узеньких, смешных,
в кастрюльках воду голубую возят,
дрова и скарб, умерших и больных...

Так с декабря кочуют горожане
за много верст, в густой туманной мгле,
в глуши слепых, обледеневших зданий
отыскивая угол потеплей.

Вот женщина ведет куда-то мужа.

Седая полумаска на лице,

в руках бидончик — это суп на ужин.

Свистят снаряды, свирепеет стужа...

— Товарищи, мы в огненном кольце...

А девушка с лицом заиндевевшим,

упрямо стиснув почерневший рот,

завернутое в одеяло тело

на Охтенское кладбище везет.

Везет, качаясь, — к вечеру добраться б...

Глаза бесстрастно смотрят в темноту.

Скинь шапку, гражданин.

Провозят ленинградца,

погибшего на боевом посту.

Скрипят полозья в городе, скрипят...

Как многих нам уже не досчитаться!

Но мы не плачем: правду говорят,

что слезы вымерзли у ленинградцев.

Нет, мы не плачем. Слез для сердца мало.

Нам ненависть заплакать не дает.

Нам ненависть залогом жизни стала:

объединяет, греет и ведет.

О том, чтоб не прощала, не щадила,
чтоб мстила, мстила, как могу,
ко мне взывает братская могила
на Охтенском, на правом берегу.

3

Как мы в ту ночь молчали, как молчали...

Но я должна, мне надо говорить
с тобой, сестра по гневу и печали:
прозрачны мысли, и душа горит.

Уже страданиям нашим не найти
ни меры, ни названья, ни сравненья.
Но мы в конце тернистого пути
и знаем — близок день освобожденья.

Наверно, будет грозный этот день
давно забытой радостью отмечен:
наверное, огонь дадут везде,
во все дома дадут, на целый вечер.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
в грязи, во мраке, в голоде, в печали,

мы дышим завтрашним,
свободным, щедрым днем, —
мы этот день уже завоевали.

4

Враги ломились в город наш свободный, —
крошились камни городских ворот...
Но вышел на проспект Международный
вооруженный трудовой народ.

Он шел с бессмертным
возгласом
в груди:
— Умрем,
но Красный Питер
не сдадим!...

Красногвардейцы, вспомнив о былом,
формировали новые отряды,
и собирал бутылки каждый дом
и собственную строил баррикаду.

И вот за это — долгими ночами
пытал нас враг железом и огнем...

— Ты сдашься, трусишь, — бомбы нам

кричали, —

забьешься в землю, упадешь ничком!

Дрожа, запросят плена, как пощады,

не только люди — камни Ленинграда.

Но мы стояли на высоких крышах

с закинутою к небу головой,

не покидали хрупких наших вышек,

лопату сжав немеющей рукой.

...Настанет день, и, радуясь, спеша,

еще печальных не убрав развалин,

мы будем так наш город украшать,

как люди никогда не украшали.

И вот тогда на самом стройном зданье,

лицом к восходу солнца самого,

поставим мраморное изваянье

простого труженика ПВО.

Пускай стоит, всегда зарей объятый,

так, как стоял, держа неравный бой:

с закинутою к небу головой,

с единственным оружием — лопатой.

О древнее орудие земное,
лопата, верная сестра земли!
Какой мы путь немислимый с тобою
от баррикад до кладбища прошли!
Мне и самой порою не понять
всего, что выдержали мы с тобою...
Пройдя сквозь пытки страха и огня,
мы выдержали испытанье боем.

И каждый, защищавший Ленинград,
вложивший руку в пламенные раны,
не просто горожанин, а солдат,
по мужеству подобный ветерану.

Но тот, кто не жил с нами, —
не поверит,
что в сотни раз почетней и трудней
в блокаде, в окруженье палачей
не превратиться в оборотня, в зверя...

.....

Я никогда героем не была,
не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не геройствовала, а жила.

И не хвалюсь я тем, что в дни блокады
не изменяла радости земной,
что, как роса, сияла эта радость,
угрюмо озаренная войной.
И если чем-нибудь могу гордиться,
то, как и все друзья мои вокруг,
горжусь, что до сих пор могу трудиться,
не складывая ослабевших рук.
Горжусь, что в эти дни, как никогда,
мы знали вдохновение труда.

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурною дышали,
что внуки позавидовали б нам.

О да, мы счастье страшное открыли —
достойно не воспетое пока, —
когда последней коркою делились,
последнею щепоткой табака;

когда вели полночные беседы
у бедного и дымного огня,
как будем жить,
когда придет победа,
всю нашу жизнь по-новому ценя.

И ты, мой друг, ты даже в годы мира,
как полдень жизни будешь вспоминать
дом на проспекте Красных Командиров,
где тлел огонь и дуло от окна.

Ты выпрямишься, вновь, как нынче, молод.
Ликуя, плача, сердце позовет
и эту тьму, и голос мой, и холод,
и баррикаду около ворот.

Да здравствует, да царствует всегда
простая человеческая радость,
основа обороны и труда,
бессмертие и сила Ленинграда!

Да здравствует суровый и спокойный,
 глядевший смерти в самое лицо,
 удушливое вынесший кольцо
 как Человек,
 как Труженик,

как Воин.

Сестра моя, товарищ, друг и брат,
ведь это мы, крещенные блокадой!
Нас вместе называют — Ленинград,
и шар земной гордится Ленинградом.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
в кольце и стуже, в голоде, в печали
мы дышим завтрашним —
счастливым, щедрым днем, —
мы сами этот день завоевали.

И ночь ли будет, утро или вечер,
но в этот день мы встанем и пойдем
воительнице-армии навстречу
в освобожденном городе своем.

Мы выйдем без цветов,
в помятых касках,
в тяжелых ватниках,
в промерзших полумасках,
как равные, приветствуя войска.
И, крылья мечевидные расправив,
над нами встанет бронзовая Слава,
держа венок в обугленных руках.

Январь — февраль 1942 г.